

Вёль-ле-Роз, 23 января 2016

Я держу в руках письмо. Жильбер Мартино позвал меня минут пять назад. Я была в мастерской, работала. Вырисовывала на бересте геометрические узоры, похожие на блестящие, словно покрытые лаком квадраты черепашьего панциря.

— Мамзель Ариана! — заорал Мартино.

В тот момент я прокляла его, испугавшись, что он разбудит Анаис. Она спит наверху, в своей комнате, но в этом доме ни одна дверь не закрывается и слышимость просто ужас какая. Сегодня в порядке исключения Анаис не проводит день у бабушки с дедушкой. Они уехали в Дьепп, у них там какая-то встреча — кажется, с нотариусом.

— Мамзель Ариана, — Мартино понизил голос под моим разъяренным взглядом встревоженной матери, — смотрите, что я нашел! Прямо в стене. — Он указал концом мастерка на щель, которую собирался замазать, и выглядывающий из нее конверт. —

Странное дело вчера я расчищал стены, но ничего не заметил. Можно подумать, кто-то подложил этой ночью.

Я улыбаюсь. Невольно отмечаю достижения. Жильбер Мартино и впрямь проделал большую работу, сбил кувалдой слои штукатурки с обрывками оранжевых обоев, весь этот жуткий декор пятидесятилетней давности. Я поручила Мартино ответственную миссию: вернуть дому дивную атмосферу вилл девятнадцатого века — эпохи моды на морские купания. Он откроет изначальное очарование помещений, стены из кирпича и руста и тесанные топором деревянные балки станут аутентичным антуражем для моих произведений и вызовут у туристов неодолимое желание купить их.

Письмо не особенно заинтересовало Жильбера Мартино, он уже макает мастерок в ведро с бежевым раствором.

А вот меня...

Пальцы дрожат, когда я вскрываю конверт. Вижу старомодный почерк, изящные изгибы, тонкие линии, умело выведенные пером на толстой пожелтевшей бумаге. Что-то старинное, в этом нет сомнений. Взгляд останавливается на верхней строчке, подтверждая мою догадку.

Вэль-ан-Ко, 1851

В то время жители деревни еще не заменили «Ко» на «Роз». Имя украсили розами лишь в 1897 году.

Дорогая Анаис...

Зрение мутится, сердце бешено колотится. Возможно ли? *Анаис*. Не моя Анаис, разумеется, не моя дорогая детка, которая спит в своей кукольной кровати, невзирая на крики и буханье кувалды Мартино. Письмо Анаис Обер, знаменитой актрисе...

Основательнице...

Взгляд скользит вниз, к подписи.

Ваш верный мушкетер

Меленг

Дрожь пробегает по телу. *Меленг...* Я вспоминаю рассказ Александра об истории Вёль-ле-Роз, о названиях улиц и прославленных артистах, основавших курорт почти двести лет назад. Меленг* был самым популярным актером девятнадцатого века, бессмертным д'Артаньяном, любимцем Александра Дюма, обожающим Вёль наперсником Анаис Обер. Стоп, надо успокоиться. Мартино насвистывает в соседней комнате, которая станет складом моего магазина. Слышу я и тихий шорох наверху — на верное, просыпается моя Анаис.

Подожди, подожди еще немного, сердечко мое.

Быстро и жадно пробегаю глазами рукописные строчки. Сердце бьется так, словно письмо адресовано мне, словно я вскрыла послание от любовника. Меленг пишет странные вещи. Он успокаивает Анаис

* Меленг, Этьенн Марен (1808—1875) — французский актер и скульптор — *Здесь и далее примеч. перев. и ред., кроме случаев, оговоренных особо.*

Обер, оставшуюся в Париже, напоминает о ее таланте, карьере, которую нельзя загубить. Слова нанизываются одно на другое. *Приедете ли Вы в Вёль на романтические празднества? Все здесь ждут Вас. Вы желанная гостья, поверьте.* Меленг приводит названия и имена, которых я не знаю, и они сразу западают в память. *Эми Робсарт, «Король забавляется», Мадемуазель Марс**.

Я переворачиваю лист. Со второго этажа доносится шебуршание, скрипит паркет под маленькими ножками. Анаис ступает в мягких тапочках, глядя на мир с высоты своих трех лет.

Иду, моя сладкая, иду.

Взгляд задерживается на последних строчках письма.

Как бы там ни было, милая Анаис, будьте спокойны. Вашу тайну здесь хранят свято. Она в надежных руках, которые дороги Вам.

Ваш верный мушкетер

Меленг

Все смешалось в моей голове, мне снова вспоминаются рассказы Александра, его длинные моно-

* Эми Дадли (1532—1560), урождённая Эми Робсарт, первая жена Роберта Дадли, 1-го графа Лестера, фаворита английской королевы Елизаветы I, которых некоторые историки и до сих пор обвиняют в странной смерти Эми. «Король забавляется» — пьеса Виктора Гюго, была запрещена после первого же представления. Мадемуазель Марс (1779—1847) — французская актриса, играла на сцене «Комеди Франсез» 33 года.

логи во время наших прогулок, его одержимость тайной Анаис. Неужели я обнаружила неизвестный ему след? Совпадение кажется мне слишком невероятным.

Я складываю письмо и прячу его в конверт. Жильбер Мартино по-прежнему сидит на корточках у стены, спиной ко мне. Он насвистывает тот же мотив, который под сурдинку звучит по радио, кажется, я узнаю припев к шлягеру Мишеля Фюгена*. Спешу на лестницу, не хочу, чтобы Анаис одна спускалась по шатким ступенькам.

Подожди, моя красавица.

На ходу перебираю в памяти тринадцать дней — ровно столько я уже в Вёле. Все эти странные мелочи, маленькие тайны, на которые я не обращала внимания. Не до того было. Вот, например, ощущение, будто за мной следят, здесь, в этом доме, днем и ночью, даже когда я одна, даже когда Мартино, убрав свои инструменты, уходит к себе. И странные стихи Анаис, красивые, слишком красивые, чтобы их

* Фюген, Мишель — французский композитор и певец. Его песня «Красивая история» (*Une belle histoire*, 1972) стала хитом, припев ее звучит так:

Это красивый роман,
Это красивая история,
Это роман одного дня.
Он возвращался к себе, туда, к туманам.
Она ехала на юг, на юг,
Они встретились на обочине.

сочинила трехлетняя девочка. И фотография праздника, устроенного Виктором Гюго для детей Вёля в 1882 году, которую все почему-то от меня прячут. Ну и конечно, Адель. Бедняжка Адель. Мелочи. Ничего не значащие, если взять каждую в отдельности.

А теперь это письмо.

Я беру на руки мою маленькую Анаис, и от ее улыбки все тревоги рассыпаются звездной пылью. Она крепко прижимает к груди лилового страуса. Эму — так утверждают зоологи. Мёмё, уточняет Анаис.

— Ты хорошо спала, моя радость?

— А ты что делала, мама?

— Ничего, ничего.

Мне почему-то трудно сосредоточиться. Я думаю о том, что напишу сегодня вечером в дневнике.

— Мама, я есть хочу.

— Сейчас, милая, сейчас.

Мне нужно отмотать пленку в начало, ко дню моего приезда. Перечитать дневник. Подвести итог. Понять. Проследить в обратном порядке эти несколько дней, когда я поставила на кон свою жизнь.

Разыграла ее в орла или решку.